

Борьба с инакомыслием в сфере труда и занятости. Запрет на профессию: новое явление на старом фундаменте

Татьяна Водолажская,
кандидат социологических наук,
эксперт Агентства гуманитарных технологий

В сегодняшней белорусской жизни есть явления, которые мы причисляем к «советскому наследию», обнаруживая очевидные сходства дня сегодняшнего и нашего недавнего прошлого. Среди таких явлений — препятствия к профессиональной деятельности, чинимые властью (под её влияем и от её имени) в связи с идеологическими или политическими взглядами и не связанные непосредственно с профессиональной квалификацией, качеством работы и т.д.

За 2010-2011 год Агентством гуманитарных технологий была собрана база данных, содержащая упоминания о фактах преследований в профессиональной деятельности, представленные: в материалах СМИ¹; в мониторинге нарушений прав человека Правозащитного центра «Вясна» (с 1998 по конец 2011 года)²; в мониторинге нарушений журналистской деятельности Белорусской ассоциации журналистов³.

В базу данных попали более 500 человек, по отношению к которым в период с 1996 по 2011 годы были применены различные действия: от препятствий в творчестве или доступе к публике (потребителю) до увольнений, отчислений и лишения лицензий. Все эти случаи связываются с активной гражданской и политической позицией и соответствующей деятельностью.

Собранная база представляет собой только небольшую часть реальной практики, поскольку включает только случаи, которые были преданы огласке. Размеры подводной части этого айсберга остаются неизвестными, поскольку далеко не все, столкнувшиеся с подобными проблемами и препятствиями готовы о них говорить открыто или предпринимать действия по правовой защите.

Но даже этих данных достаточно, чтобы говорить о распространенности случаев увольнения (свершившегося или только угрозы) по причинам, не связанным с профессиональной деятельностью. На первый взгляд, эти данные показывают, что в данной сфере не произошло существенных преобразований, советская практика осталась неизменной и профессиональная и трудовая деятельность по-прежнему является сферой решения не только производственных задач, но и политических и идеологических. В то же время мы не должны упускать из вида, что ряд внешних обстоятельств, оказывающих существенное влияние на данную сферу, претерпели изменения: от появления частных предприятий до отмены статьи уголовного кодекса о тунеядстве. Это требует более глубокого исследовательского отношения и разбора современной и советской практики.

¹ «Радыё Свабода», веб-сайт ПЦ «Вясна», веб-сайт ОО «Белорусская ассоциация журналистов», «Радыё Рацыя», «Народная Воля», «Наша Ніва», «Еврорадио», «Польскае радыё для замежжа», Deutsche Welle, БелаПАН, Naviny.by, БелТА, «Свободные новости плюс», TUT.BY, «БДГ. Деловая газета», «Завтра твоей страны», Euromost.org, «Салідарнасць», Белсат, Telegraf.by, «Белорусский партизан», «Новы Час», «Ежедневник», «Тут і Цяпер» и др.

² Обзоры нарушений прав человека в Беларуси, подготовленные ПЦ «Вясна»: 1998-2011гг. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://spring96.org/be/reviews>

³ Мониторинги Белорусской ассоциации журналистов: <http://baj.by/be/monitoring>

Сфера, в рамках которой мы будем исследовать и анализировать процесс десоветизации, находится на стыке борьбы с инакомыслием и трудовой, профессиональной деятельности (говоря иначе, это сфера трудовой деятельности, взятая в рамках борьбы с инакомыслием). Этот «стык» не исчерпывает ни всей сферы трудовых отношений, ни всего многообразия форм и способов борьбы с инакомыслием. Более того, интересующая нас сфера представляет собой незначительную часть и того и другого. И в нашу задачу не входит глубокий анализ каждой из этих сфер отдельно. Мы остановимся на их пересечении не только, чтобы ограничить исследовательскую тему, но и в силу того, что на этом пересечении возникало специфическое пространство советской практики, где сходились и институционализировались (закреплялись как общественные установления) вполне определенные формы действий и отношений, характеризующих именно советское общество. Видимое сходство проявлений в сегодняшней белорусской жизни с еще памятной советской действительностью ставит исследовательскую задачу разобраться, *являются ли эти проявления прямым воспроизводством советской практики (ресоветизация) или то, что мы наблюдаем, является новым, хоть и внешне сходным явлением.*

Далее мы рассмотрим современные проявления борьбы с инакомыслием в сфере труда, а затем попытаемся проанализировать сходства и отличия советской и современной белорусской практики.

Основным материалом исследования будет выступать упомянутая база данных, которая включает в себя следующие характеристики: лицо, которое подверглось репрессивным действиям (увольнения, отчисления, угрозы), место и время воздействия, сфера и профессиональная принадлежность, общие характеристики произошедшего (эта характеристика не стандартизирована в силу специфики открытых источников, которые с различной степенью глубины фиксируют случаи репрессивных воздействий).

Имеющийся для анализа материал характеризует интересующее нас социальное явление лишь ограничено. Во-первых, фиксация случаев запрета или препятствия профессиональной деятельности отражает специфику правозащитной и журналистской деятельности. Так, к примеру, фиксация отчислений студентов стала систематичной и активной после 2006 года. Всплеск отчислений из вузов активизировал журналистский интерес, а появление «Программы Калиновского» как реакция правозащитников по смягчению и компенсации проблем студентов, в свою очередь, спровоцировало более активное публичное озвучивание случаев со стороны «пострадавших». Во-вторых, люди, подвергаясь репрессиям в профессиональной сфере и не имея реальных механизмов защиты, выбирают различные стратегии дальнейшей жизни, и опубликование своей ситуации посредством СМИ или обращение в правозащитные организации является не самой распространенной стратегией. Такой шаг в большинстве случаев существенно обостряет ситуацию и нередко «ставит крест» на возможности легального трудоустройства по специальности, по крайней мере, в течение нескольких лет. Его могут позволить себе в основном те, чье имя и так является известным, и факт препятствий в профессиональной деятельности уже не может повредить, а иногда даже наоборот — может в определенном смысле добавить позитивного имиджа и помочь преодолеть поставленные препятствия. Это люди публичных профессий: писатели, артисты, музыканты, журналисты. При этом значительное число людей из иных профессиональных сред, которые сталкиваются с проблемами, связанными с их политической позицией или общественной деятельностью, рассчитывают на «исправление ситуации»: ищут другую работу, улаживают отношения с прежним работодателем и т.д., и огласка им не нужна и даже вредна.

Учитывая эти ограничения, мы не можем претендовать на полноту анализа. Тем не менее, имеющийся материал способен репрезентировать широту охвата практики преследования по политическим мотивам (территориально, по видам учреждений и предприятий, по должностям и профессиям). Этот материал даёт представление о контексте (ситуациях, возможных причинах и поводах) совершаемых действий, что в свою очередь, позволяет интерпретировать задачи и установки власти для разворачивания данных действий. Кроме того, мы имеем информацию, хоть и частичную, об ответных действиях или реакции тех, кто подвергся увольнению или угрозам увольнений. В комплексе этот материал, даже с учётом всех ограничений, позволяет, на наш взгляд, выделить специфику пересечения сферы труда и профессиональной деятельности с практикой борьбы с инакомыслием в современной Беларуси и проанализировать её сходства и отличия от того же пересечения в рамках советского общества.

Дополнительным материалом в ходе исследования послужат ряд законодательных актов, регулирующих сферу труда и занятости, а также аналитические материалы о преобразованиях в сфере социальной защиты.

Формы, методы и последствия преследований в сфере труда и занятости

На основании анализа собранной базы данных о случаях препятствования в осуществлении профессиональной деятельности можно выделить несколько наиболее общих характеристик данного явления.

1. Препятствия в осуществлении профессиональной деятельности, связанные с политическими и идеологическими мотивами, распространены **во всех сферах профессиональной деятельности, охватывают всю территорию страны и присутствуют не только в госструктурах, учреждениях и предприятиях государственной формы собственности, но проникают и в частные учреждения и предприятия.**

Среди собранных фактов около трети занимают случаи, произошедшие в Минске. Такое непропорциональное распределение по отношению ко всей стране легко объяснимо двумя факторами: 1) более насыщенной политической жизнью в столице (а значит, гораздо больше проявлений, которые подлежат реагированию со стороны власти); 2) большим вниманием и близостью к деятельности СМИ и правозащитных организаций, которые служили источником составления базы данных. В остальном, регионы представлены практически равномерно⁴. По обозначенным выше причинам наиболее часто случаи угроз и увольнений встречаются в областных центрах. В тоже время, в собранных материалах фигурируют такие населённые пункты, как Барановичи, Барань, Береза, Бобруйск, г.п. Большая Берестовица, Борисов, Буда-Кошелёво, Верхнедвинск, Вилейка, Волковыск, Ганцевичи, Горки, г.п. Городея (Несвижский р-н Минской обл.), Городок, Дрогичин, Жлобин, Жодино, Заславль, Калинковичи, Клецк, Кличев, Кобрин, д. Копти (Витебского р-н), Кричев, Крупки, Лепель, Лунинец, д. Ляцкие (Каменецкий р-н Брестской обл.), Любань, Мозырь, Молодечно, Мосты, Несвиж, Новогрудок, Новолукомль, Новополцк, д. Овсянка (Горечий р-н Могилёвской обл.), Орша, Осиповичи, г.п. Островец, п. Вежи (Слуцкий р-н Минской обл.), Полоцк, Пружаны, Светлогорск, д. Сергеичи (Кировский р-н Могилёвской обл.), Слоним, г.п. Смиловичи (Червенский р-н Минской обл.), Сморгонь, Солигорск, Туров, Чашники, Шклов и др.

Профессиональная принадлежность людей, подвергшихся репрессивным действиям по месту работы, очень разнообразна: деятели культуры и искусства (писатели, музыканты, художники и т.д.); учёные (от докторов наук до аспирантов); преподаватели вузов и школьные учителя; журналисты, редактора газет и ведущие телевизионных передач; работники силовых и правоохранительных структур (милиция, вооруженные силы), а также работники прокуратуры, судов и адвокаты; инженеры; экономисты и бухгалтеры; работники сельского хозяйства и рабочие на заводах и предприятиях (строители, техники, водители, машинисты, сварщики, слесари, разнорабочие и т.д.); студенты. Кроме того, в отдельную категорию следует выделить предпринимателей, которые столкнулись с давлением и в итоге — ликвидацией собственного бизнеса. Каждая из этих категорий представлена не единичными случаями.

Практика увольнений, давления и угроз не ограничивается только государственными предприятиями и учреждениями. Случаи применения такой практики фиксируются и в открытых и закрытых акционерных обществах, совместных предприятиях, а также в коммерческих вузах или фирмах. Например, в 2003 году из-за давления со стороны властей и руководства ЕГУ был вынужден уволиться из университета В. Силицкий. М. Груздилович в 2009 году была уволена из филиала британского образовательного центра «SOL Minsk» якобы за оппозиционную пропаганду среди учеников. В 2011 году в Минском институте правоведения были отстранены от работы сразу два преподавателя, активных общественных деятеля: Н. Василевич и А. Завадский. По словам коллег, на администрацию института оказывалось давление со стороны КГБ.

2. **Особые всплески активности репрессивных мер сопряжены с политическими кампаниями или событиями.** Каждая избирательная кампания — от выборов президента до парламентских выборов или даже выборов в местные советы — сопровождается волной угроз и увольнений. Давлению и увольнениям подвергаются члены избирательных штабов и доверенные лица, а также сами кандидаты в депутаты парламента и советов разного уровня. В 2006 году за активное участие в предвыборных кампаниях оппозиционных кандидатов на пост президента были уволены: О. Дьячков (Могилёв), В. Каратышев

⁴ Учитывая специфичность базы данных, которая не позволяет давать сколь-нибудь значимых и репрезентативных количественных характеристик, мы воздержимся от вычисления долей и процентов.

(Лунинец), В. Войтюк (Волковыск), С. Липяк (Верхнедвинск), В. Салей (Мосты), А. Юрков (Горки) и др. В 2008 году выдвигавшиеся в Палату представителей от своих округов — И. Добротвор, К. Жуковский, В. Подчиненков, Т. Кабанчук и др. — лишились своих рабочих мест.

В качестве профилактических мер перед избирательными кампаниями активно практикуется давление на работников, которые *состоят членами политических партий или оппозиционных общественных инициатив и объединений* (вне зависимости от степени активности участия в данной кампании). Традиционным в этой ситуации является предложение «выйти из партии». В качестве характерного можно привести следующий случай. В середине января 2010 года руководительница управления образования Миноблсполкома вызвала к себе на приём шестерых учителей из разных школ Минской области, являвшихся членами оппозиционных партий, и поставила перед ними ультиматум: либо они все пишут заявления о выходе из партий, либо, в противном случае, пишут заявления на увольнение с работы «по собственному желанию»⁵. По словам учителей, обоснованность этого своего требования чиновница аргументировала следующим образом: если вам государство платит деньги, то вы обязаны проводить государственную идеологию. Зная, насколько безынициативны в своих действиях белорусские чиновники, можно предположить, что чиновница из Миноблсполкома занималась не самодеятельностью, а выполняла указание, полученное сверху: проведение «зачистки» школ от политически неблагонадежных элементов в преддверии кампании по выборам депутатов в местные советы. Скорее всего, подобного рода беседы проводились и с «учителями-оппозиционерами» из других регионов Беларуси, однако не все, кто подвергся угрозам увольнения, находят в себе мужество предать это дело широкой огласке (что вполне понятно). Учительница же истории из д. Талька (Пуховичский р-н Минской обл.) Н. Ильинич (член Партии БНФ) и учитель физкультуры из Несвижа А. Язвинский (член КХП-БНФ) подали жалобы в прокуратуру. Кроме того, очевидно, не без их согласия, в защиту преследуемых учителей выступили с публичным заявлением Партия БНФ и правозащитные организации. Пока прокуратура разбиралась с обстоятельствами дела, для некоторых строптивых учителей по месту их работы была создана ситуация моббинга⁶.

Наиболее массовая и активная практика репрессий наблюдается *после публичных политических акций*. Традиционно массовые акции протеста или иные политические выступления влекут за собой значительное число задержанных, а также подвергшихся административному аресту. Затем сам факт ареста или отбывания наказания становится основанием для увольнения. Массовая фиксация таких случаев началась с участников палаточного лагеря 2006 года (А. Бильдюк, А. Музыченко и др.), хотя подобная практика реализовывалась и в предшествующие годы (А. Павловский — «строители, просящие милостыню», Могилев, 2002 г.⁷; А. Мониц — «Стоп Лукомол», 2004 г.⁸; все участники группы «Палац» (уволены из Белконцерта) — митинг на пл. Бангалор, 2004 г.⁹). В таких случаях причины увольнения даже не маскируются. Так, актер П. Харланчук-Южаков был уволен 28 декабря 2006 года из Национального академического драматического театра со следующей характеристикой: «В марте 2006 года П. Харланчук-Южаков принял участие в акции, направленной против государственной власти в РБ. За свои действия П. Харланчук-Южаков был привлечен правоохранительными органами к административной ответственности. П. Харланчук-Южаков нарушил морально-духовные основы театра, вместо признания допущенной ошибки, на собрании труппы вел себя с чрезвычайным вызовом и неэтично, несмотря на многочисленные

⁵ Заява Партыі БНФ у абарону настаўнікаў: <http://zabarona-na-prf.livejournal.com/5867.html>; Пракуратура растлумачыла Данілевіч, чаму нельга чапаць настаўнікаў: <http://spring96.org/be/news/31809/>

⁶ Мобинг (от англ. *“to mob”* — нападать стаяй, травить) — это психологическое давление в трудовом коллективе, когда сотрудники ополчаются на одного или нескольких своих членов с целью изгнать.

⁷ Обзор-хроника нарушений прав человека в Беларуси в 2002 году. Правозащитный центр «Вясна». Мн., 2003: http://spring96.org/files/book/2002_review_ru.pdf

⁸ Обзор-хроника нарушений прав человека в Беларуси в 2004 году. Правозащитный центр «Вясна». Мн., 2005: http://spring96.org/files/book/2004_review_ru.pdf

⁹ Музыканты группы «Палац» 21 июля выступили на оппозиционном митинге на площади «Бангалор» и в это же день были уволены из «Белконцерта»: <http://spring96.org/ru/news/8091>

беседы с ним руководителей театра. Тем самым, он противопоставил свои личные убеждения общепринятым нормам соблюдения законности»¹⁰.

Таким образом, очевидна *«профилактическая» и «наказывающая» роль*, которая отводится методам борьбы с инакомыслием через препятствия в профессиональной деятельности.

3. Если основные профилактические и наказывающие практики (привязанные к политическому календарю) распространены среди всех профессий и сфер занятости, то **для отдельных профессиональных сфер можно выделить особые задачи, которые решаются через увольнения или иные препятствия в осуществлении профессиональной деятельности.**

«Очистка» от идеологически нелояльных граждан сфер деятельности, в которых идёт работа со знанием, общественным сознанием, идеями и т.д.

СМИ, образование и наука — сферы, через которые осуществляется интенсивное и массовое воздействие на взгляды, идеи, настроения и мнения людей. Жёсткий контроль за учебными программами, общее идеологическое руководство телевидения и радиовещания, периодической печати, согласование научных программ с политическими приоритетами не могут полностью исключить распространение «ненужных» взглядов. Идеи, мнения и позиции «просачиваются» в эти сферы через учителей, педагогов, учёных и журналистов. Необходимость их устранения или хотя бы локализации «негативного» воздействия даёт дополнительные поводы для пристального внимания к представителям этих профессиональных сфер.

Так *учителя и преподаватели* чаще других подвергаются «зачистке» не только в преддверие политических кампаний, но и между ними. Поводы разнообразны: от активной деятельности, сотрудничества или членства педагогов в оппозиционных структурах, проявления ими активности в общественно-политической жизни (В. Мацкевич, О. Манаев, Н. Ильинич, А. Ковальчук, С. Солодкин, Н. Агафонова и др.), до непосредственной «пропаганды» среди учеников (Л. Мухина, Ю. Бачища и др.), а также просто публичных высказываний критических суждений, в том числе относительно образовательного процесса или качества образования. В качестве объяснения причин нередко используются формулировки типа: «совершение аморального поступка, несовместимого с дальнейшим выполнением воспитательных функций педагогического работника».

Практикуются увольнения *учёных и исследователей*, чья работа содержательно не совпадает с политической и идеологической линией. Особенное внимание здесь уделяется социальным и гуманитарным наукам, истории, в которых формируется знание о стране, а также дается оценка и номинация актуальным процессам (А. Киштымов, Т. Протько, Г. Саганович, А. Кравцевич, И. Янушкевич, С. Тарасов и др.). Так, например, И. Янушкевич был вынужден уйти из ряда научных учреждений, в том числе из Комитета по архивам и делопроизводству (теперь — Архивный департамент Министерства юстиции РБ). Руководство последнего отрицательно отнеслось к деятельности ученого по подготовке празднования 200-летия В. Дунина-Марцинкевича: «На изучение Дунина-Марцинкевича в архивной отрасли нет денег...», «Дунин-Марцинкевич столько не написал, сколько вы его исследуете...» и т.д. Иногда под репрессии попадают представители естественных наук, чья деятельность связана с актуальными социальными проблемами, например, Чернобыльской катастрофой и ее последствиями (Ю. Бандажевский).

В научной сфере в качестве способов выставления препятствий в профессиональной деятельности используются не только увольнения (через неаттестацию или непродление контракта), но и препятствия с защитой кандидатских и докторских диссертаций, включение в финансируемые государством программы отдельных тем и проблем, публикации, доступ к различным формам необходимой научной коммуникации (конференции, стажировки) (С. Тукало, А. Казакевич и др.). В этой связи следует отметить еще и практику отстранения (попыток отстранения) от должности руководителя учебного заведения тех, кто пытался строить академические и педагогические процессы на «автономных» основаниях (А. Михайлов, Европейский гуманитарный университет; В. Колас, Национальный государственный гуманитарный лицей им. Я. Коласа). Показательно, что деятельность обоих учреждений в Беларуси была прекращена.

¹⁰ Нарушение прав человека в Беларуси в 2006 году: аналитический обзор. — Мн., 2007: http://spring96.org/files/book/2006_review_ru.pdf

Специальному вниманию и воздействию подвержены *средства массовой информации*, где наблюдается тщательное вытеснение из информационного пространства всей нелояльной и критической журналистики:

- Закрытие (приостановка деятельности) независимых газет, радиостанций, программ и т.д.: радиостанций «Беларусская молодежная» (1994 г.), «Радыё 101.2 FM» (1996 г.), «Авторадио» (2011 г.); газет «Навіны» (1999 г.), «Пагоня» (2001 г.), «Местное время» (2002 г.), «Товарищ» (2009 г.); журнала «Forum Lambda» (2001 г.) и др. В случае с «Пагоней» главный редактор Н. Маркевич и журналист П. Мажейко были осуждены.
- Увольнение (отстранение от должности) редакторов и журналистов из государственных или подконтрольных государству СМИ после появления нежелательных, нелояльных или критических материалов. Так были отстранены от должности главных редакторов А. Старикевич (газета Федерации профсоюзов Беларуси «Беларускі час»), И. Середич («Народная газета»), Н. Демчихин («Гомельские ведомости»), Е. Миронова («Комсомольская правда») и др. В начале 2003 года был прецедент увольнения сразу шести журналистов газеты «Беларускі час». Им было объявлено о сокращении их ставок и увольнении. В газете остались работать только технические сотрудники.
- Увольнение отдельных журналистов: Е. Волошин (газета «Звезда»), В. Мацкевич, С. Дорофеев (ток-шоу «Выбор»), Я. Беклемешев («Крок-2»), А. Левчук (газета «Знамя юности»).

Эти действия не лишают редакторов и журналистов полностью возможности работать, но вытесняют их в независимые, а часто и нелегальные СМИ, имеющих значительно меньший охват аудитории, деятельность в которых часто сопряжена с социальной и профессиональной незащищённостью. По отношению к независимым СМИ, в свою очередь, практикуется *создание препятствий в деятельности* через отказы в аккредитации, обыски редакционных помещений и аресты журналистов с изъятием техники и носителей информации («Наша Ніва», «Еврорадио», «Белсат»); выдворение журналистов из страны, сопряженное с уголовным преследованием или даже лишением гражданства (П. Шеремет, П. Можейко, А. Ступников); задержание и аресты журналистов во время несанкционированных мероприятий, судов и т.д. Наиболее выраженное обострение этой практики наблюдалось в 2011 году, когда число журналистов, столкнувшихся с этим явлением, стало исчисляться десятками.

«Борьба» с авторитетами и публичными людьми, проявляющими нелояльность

Особое внимание уделяется задаче деперсонификации страны, которая также осуществляется через создание препятствий в профессиональной деятельности тех людей, которые обычно становятся «совестью и голосом нации», «лидерами мнений» — деятелей культуры, *интеллектуалов*. Начавшееся в конце 1980-х — начале 1990-х годов национальное возрождение и развитие стало постепенно выдвигать в публичное пространство значимые фигуры, авторитетов. Большинство таких людей по отношению к власти, пришедшей в 1994 году, были настроены критически. Это послужило основанием разворачивания широкомасштабной практики *ограничения деятелей культуры в творчестве и доступе к широкой публике* (читателям, зрителям, слушателям): исключение книг из школьной программы, негласные «чёрные списки» представителей творческих профессий для государственных учреждений культуры, радио и телевидения. Целая группа деятелей культуры и искусства, олицетворяющих национальное белорусское возрождение, активно критиковавших власть и поддерживавших оппозиционных политиков, была изолирована от широкой аудитории. Первый пик пришелся на вторую половину 1990-х годов, и это были, в основном, писатели. Были вынуждены эмигрировать В. Быков, С. Алексиевич, А. Розанов, С. Адамович, В. Некляев (временно). Позже из школьной программы были исключены произведения Р. Барадулина, Н. Глевича, Г. Буравкина, С. Законникова, В. Казько, О. Ипатовой¹¹. Все они имеют проблемы с изданием

¹¹ Министерство образования перед составителями учебников поставило задачу «минимизировать использование произведений оппозиционно настроенных писателей: повсюду, где использование произведений Н. Гилевича, Г. Бородулина, Г. Буравкина и других, не вызвано крайней необходимостью характеристики их творчества как представителей литературы второй половины XX века, заменить их произведения на сочинения других писателей и поэтов. Предельно минимизировать содержание монографических тем, посвященных творчеству Н. Гилевича, Г. Бородулина (до 2—3 стихотворений) и других, исключить попадание в учебные программы произведений националистического, политизированного характера. Исключить из списков литературы для изучения и внеклассного чтения произведения С. Алексиевич, С. Законникова, О. Ипатовой, В. Орлова, М. Скоблы, В. Чаропки и других

собственных произведений, а также проблемы с организацией встреч с читателями. Появилось негласное распоряжение Министерства образования, согласно которому запрещаются встречи белорусских литераторов в учебных заведениях без разрешения Министерства и проправительственного Союза писателей. Соответственно, всем членам независимого Союза писателей такие встречи не разрешаются.

Следующую волну составили музыканты. Концерт 2004 года на пл. Бангалор для всех его участников закончился «чёрным списком» — негласным запретом на концерты, радиотрансляцию и телевизионный показ (А. Куллинкович («Нейро Дюбель»), А. Камоцкий, А. Помидоров, Д. Войтюшкевич, О. Хоменко («Палац»), Л. Вольский («N.R.M.») и др.). «Чёрный список» собрал в себя всех наиболее популярных и влиятельных музыкантов, транслирующих в своем творчестве идеи, неприемлемые для официальной идеологии. Фактически, все площадки и каналы трансляции находятся либо в прямом государственном подчинении, либо под жёстким контролем. Это позволяет отменять любые концерты под «благовидными предложениями»: технические неисправности, нераскупленные билеты и т.д. Каждое крупное политическое событие вызывает обновление «чёрных списков». С конца 2010 года его дополнили группы «Ляпис Трубецкой», «Нака», «Крама» и др.

Ограничения касаются не только писателей и музыкантов, но и других известных деятелей культуры: А. Марочкин (художник), В. Халип (драматург), З. Бондаренко (диктор, народная артистка), Н. Купава (художник), А. Пушкин, Ю. Хащевацкий (кинорежиссёр-документалист) и др.

«Зачистка» органов управления, силовых и правоохранительных структур

Все, кто имеет непосредственное отношение к исполнению и претворению в жизнь административных и политических решений действующей власти, находятся под наиболее пристальным вниманием.

В конце 1990-х — начале 2000-х годов, когда в государственном управлении и на ответственных постах ещё оставались люди, пришедшие туда ранее и имевшие оппозиционные взгляды по отношению к набирающему силу режиму наблюдается планомерная работа по *избавлению от нелояльных элементов в органах государственного управления*. Так в 1999 году был уволен из райисполком (г.п. Большая Берестовица) О. Ромашкевич, член БСДП(Г), А. Ярошук в 2002 году был отправлен в отставку с должности председателя Белорусского профсоюза работников агропромышленного комплекса, Г. Руцкий, член БСДП(Г), в 2001 году был уволен с должности начальника Брестской государственной семейной инспекции. В более поздний период кадры на руководящих государственных постах всех уровней стали проверяться на лояльность ещё до приема на работу. В 2002 году прокатилась серия отстранений от должности руководителей ряда крупных концернов Беларуси: «Беллепром», «Белгоспищепром», «Беллесбумпром», «Белбиофарм», в этом же году отстранён от должности Министр здравоохранения. Причины этих увольнений остаются неясными, но среди версий присутствует и проявления нелояльности к руководству страны. В последующие годы публично высказанная критика или партийная принадлежность также оборачивается увольнениями: в 2006 году В. Каратышев был уволен с должности директора Дома культуры г. Лунина в связи с «несовместимостью государственной работы и политической деятельности в качестве руководителя предвыборного штаба А. Милинкевича по Лунинецкому району». В 2009 году П. Беспальчук был уволен с должности ректора БГМУ по причине публичной критики системы распределения выпускников вузов.

4 ноября 2011 года Палатой представителей РБ были приняты поправки в закон «О государственной службе», которые устанавливают запрет на пользование госслужащими льготами и преимуществами, предоставляемыми иностранными государствами в связи с политическими, религиозными взглядами или национальной принадлежностью, а также на получение документов, предоставляющих такие льготы и преимущества. Поправками закрепляется обязанность госслужащих передавать эти документы в кадровую службу госоргана. Несоблюдение этого требования может являться основанием для освобождения госслужащего от занимаемой должности.

оппозиционно настроенных писателей "средней руки". Исключить из иллюстрированных материалов произведения художника А. Марочкина». См: Нарушение прав человека в Беларуси в 2007 г.: аналитический обзор. — Мн., 2008: http://spring96.org/files/book/2007_review_ru.pdf

Отдельно необходимо упомянуть *наказание руководителей за проявления политической активности своих «подопечных»*. Так, в 2004 году Н. Качуро, заместитель директора по воспитательной работе Барановичского колледжа легкой промышленности, была снята с должности за то, что ячейка БРСМ колледжа в полном составе перешла в оппозиционное молодежное движения «Зубр». В январе 2005 года были уволены Р. Венцель, проректор по воспитательной работе БарГУ, и И. Кицун, заместитель проректора по воспитательной работе того же вуза. Поводом для увольнения стала шутка студентов 5-го курса во время выступления в КВН в БНТУ: студенты разыграли сценку, критикующую главу государства.

Для правоохранительных органов и силовых ведомств лояльность не ограничивается политическими взглядами, но часто связана с корпоративными интересами. Оглашение тех или иных сведений (О. Батури¹²) или причастность к громким делам (М. Козлов¹³) служит не только основанием для увольнения, но и для обвинений и арестов. Особым случаем является *очистка адвокатуры*. Практика увольнений и лишения лицензии по отношению к наиболее активным защитникам политической оппозиции применялась давно (Г. Погоняйло, 1998 г.; И. Рынкевич, 2007 г.). А после массовых арестов и судов, последовавших после событий 19 декабря 2010 года, прошла широкая волна лишения лицензий адвокатов (Т. Сидоренко, Т. Гораева, В. Толстик, П. Сапелко, Т. Агеева, О. Агеев). Затем переаттестация довершила исключение всех нелояльных, включая проявивших солидарность со своими коллегами (А. Бахтина, Д. Липкина, И. Бурак, А. Пыльченко).

4. Особым образом следует отметить **случаи увольнений (или угроз увольнений), связанные с нелояльностью, несогласием или протестами в отношении содержания или условий труда**, самоорганизацией работников, действием независимых профсоюзов или несогласием работников с идеологизацией и политизацией их труда. После краткого периода развития независимого профсоюзного движения Беларусь фактически вернулась к прежней советской системе, когда «официальный» профсоюз прочно связан как с администрацией предприятий, так и с государством и не выступает механизмом защиты прав работников в отношениях с этими субъектами. Тем не менее, отдельные работники, а на некоторых предприятиях — ячейки независимых профсоюзов, регулярно проявляют реальную профсоюзную активность, вступая в конфликты с руководством предприятий. Такая общественная деятельность (даже не связанная с политическими взглядами) пресекается, и основным способом пресечения выступают увольнения либо угроза увольнения. Чаще всего, в этот разряд попадают представители независимых профсоюзов (С. Вакуленко, Профсоюз работников РЭП, Брест, 2002 г.; В. Стуков, председатель первичной ячейки Свободного профсоюза, Полоцк, 2004 г.; массовое давление на членов Белорусского независимого профсоюза «Гродно Азот» и их родственников с требованием выйти из профсоюза, 2010 г.; В. Цурпанов, Профсоюз работников РЭП, Могилев, 2011 г. и др.). Встречаются случаи непрофсоюзной инициативы, которые также заканчиваются увольнениями (Н. Луцинская, Клецкий механический завод, 2006 г.; Г. Полянин, Барановичский комбинат пищевых продуктов, 2009 г.; О. Дайнеко и В. Васильев, Пружанский молочный комбинат, 2010 г. и др.).

Зафиксированы так же случаи увольнения государственных служащих и работников госпредприятий, причиной которых стал **профессионализм, идущий вразрез с необходимым проявлением лояльности**. М. Пастухов во время общественно-политического кризиса осенью 1996 г. остался верен присяге судьи Конституционного суда, отказавшись признавать итоги республиканского референдума, за что был отстранен от занимаемого поста — судьи Конституционного суда. И. Турко в 2003 году был уволен из Государственного академического симфонического оркестра Беларуси за то, что отказался отвечать за

¹² 10 февраля старший лейтенант милиции Олег Батури, который сделал сенсационное заявление про то, что стычки участников «Марша Свободы» 17 октября 1999 года с милицией были заранее спланированы и спровоцированы «лицами в гражданской одежде», которые находились среди участников шествия, был уволен из органов милиции. Официальной причиной увольнения стало не появление О. Батурина на службе. См.: Агляд-хроника парушэньняў правоў чалавека ў Беларусі ў 2000 годзе / Праваабарончы цэнтр «Вясна». — 2001: <http://kamunikat.fontel.net/www/knizki/palityka/chronika/2000/index.htm>

¹³ Бывший подполковник гродненской милиции Михаил Козлов был обвинен в служебном бездействии в ходе расследования дела Н. Автуховича, обвиняемого в подготовке теракта против высокопоставленных белорусских чиновников. Правозащитники считают, что это обвинение стало итогом попыток М. Козлова доказать невиновность обвиняемых. См.: Мікалаю Аўтуховічу і ягоным саўдзельнікам пагражае сьмяротная кара: <http://www.svaboda.org/content/article/1979844.html>

идеологическую работу в коллективе. Подполковник милиции М. Козлов в 2008 году во время парламентских выборов заявил о случае фальсификации на избирательном участке, который охранял в период досрочного голосования. В результате административного давления вынужден был уволиться.

5. Итогом увольнений или иных препятствий в профессиональной деятельности становится не полное лишение человека возможности найти работу (и даже работу по профессии), но вытеснение в маргинальный, социально незащищённый сектор или, как минимум, ухудшение возможностей профессионального роста и самореализации. Можно выделить несколько «стандартных» путей дальнейшего трудоустройства. Во-первых, это поиск работы за рубежом или у зарубежных работодателей. Этот путь характерен, прежде всего, для творческих профессий, а также учёных, исследователей, преподавателей и журналистов. Он сопровождается полной или частичной эмиграцией. Другой путь — поиск другого рабочего места, чаще всего сопровождается менее выгодными условиями оплаты труда, необходимостью менять профессию или место жительства. Высококвалифицированные кадры (преподаватели, учёные, управленцы) вынуждены искать работу, прежде всего, на коммерческих предприятиях, где — зная их историю трудовых отношений — им часто предлагают худшие условия, на которые приходится соглашаться, чтобы в принципе сохранить возможность работы по специальности. В малых городах увольнение по политическим мотивам ставит человека практически на грань выживания. Во-первых, ограниченно число рабочих мест, особенно для квалифицированной работы (учителя, инженеры и т.д.); во-вторых, все работодатели составляют узкий круг, находятся в тесной коммуникации, информация распространяется быстро, не говоря уже о сильной зависимости от местных властей; в-третьих, небольшая доля частных предприятий и небольшой неформальный сектор. Эти обстоятельства в комплексе практически не оставляют шансов трудоустроиться в своём городе, что оборачивается либо переездом, либо использованием третьего пути. Третий путь в данном случае — это профессионализация в качестве оппозиционного политического или общественного деятеля. Вытеснение из нормальной профессиональной деятельности и попадание в нишу «оппозиции» нередко приводят людей к потере прежней профессии и освоению роли «вечного борца». В итоге, в стране постепенно формируется целый слой (пусть пока и небольшой) людей, для которых политическое поле остается единственным пространством не только самореализации, но и трудоустройства.

Вытеснение в маргинальный (неофициальный) сектор занятости или в маргинальное положение по отношению к иным работникам приводит к ряду ощутимых последствий, касающихся профессионального развития и социального статуса таких людей. Во-первых, в маргинальной, неофициальной деятельности нет действующих механизмов оценки квалификации и качества работы (ни рыночных, ни институциональных), что способствует *профессиональной деградации*. Иногда, правда, именно неформальная среда позволяет сформировать особо высокие требования к квалификации, но это единичные случаи, характерные для небольших сообществ (например, сообществ исследователей). Во-вторых, люди, перешедшие в теневую сферу профессиональной деятельности, как правило, полностью лишены *социальных гарантий*: оплаты больничных листов, пенсионного обеспечения и т.д. Это ставит их на грань выживания в период нетрудоспособности. В то же время, отсутствие официальной работы и преследования делают их уязвимыми в отношениях с окружающими законопослушными гражданами — на них порой навешивают ярлыки: «пятая колонна», «недоброжелатели» или даже «враги народа» и т.д.

6. Препятствия в профессиональной деятельности часто имеют «неокончательный» характер, если работник в последующем проявляет лояльность, прекращает активную деятельность или власть считает более эффективным (менее проблемным) не трогать работника. А. Курейчик, О. Манаев, Е. Крыжановский — случаи, когда препятствия в профессиональной деятельности (увольнение из штата преподавателей учебных заведений, сокращение появлений на экране) были временными.

Следует отметить и единичные случаи, когда независимым профсоюзам и правозащитникам удавалось восстановить работника, апеллируя к трудовому законодательству (Дарья Бахарь, 2010 г.¹⁴, А.Габриэль — в 2009 году был уволен, затем восстановлен, а затем по опротестованию вновь уволен¹⁵).

7. Для создания препятствий в профессиональной деятельности используется следующий набор средств:

¹⁴ Перамога ў судзе актывісткі БХД з Наваградка: <http://bchd.info/index.php?newsid=2877>

¹⁵ Нарастает давление на независимые профсоюзы: <http://www.belaruspartisan.org/bp-forte/?page=100&news=63298>

А. Увольнение. В большинстве случаев увольнению предшествует **период давления и угроз**, с тем, чтобы человек либо отказался от политической и общественной активности, либо самостоятельно написал заявление об уходе. В арсенале средств давления используются апелляции к как бы общеизвестности последствий, например, участия в оппозиционных акциях и мероприятиях: «Если вы сами не пишете заявление, будет только хуже». При этом, довольно часто работодатель не имеет в виду ничего конкретного и рассчитывает на «понимание» работника и его соответствующую реакцию — «добровольный» уход. Иногда к **организации давления подключается трудовой коллектив** (т.н. мобинг), когда неблагонадежный работник начинает чувствовать себя изгоем или виноватым в том, что его коллеги сталкиваются с проблемами и неприятностями. Основаниями увольнений по инициативе работодателя часто становятся **нарушения трудовой дисциплины** — как реальные, так и надуманные.

После 2004 года, когда трудовые отношения на всех предприятиях и учреждениях стали оформляться как **срочные контракты**¹⁶, возможность избавиться от нежелательного работника получила простой и беспроблемный с юридической точки зрения механизм. «Окончание контракта» стало наиболее частой формулировкой в обозначении разрыва отношений работодателя и работника, проявляющего нелояльность.

Разновидностью увольнений являются **отчисления из вузов** или иных профессиональных учебных заведений, где фактически повторяются все средства и формы давления и обоснования причин. Для отдельных профессий и занятий, в которых требуется подтверждение профессиональной пригодности, практикуется **лишение лицензий** (адвокатура) и **неаттестация** (научные работники и педагоги).

В отношении предпринимателей практикуется **организация препятствий в ведении бизнеса**: лишение лицензий, непрекращающиеся проверки (налоговая, пожарная и т.д.), парализующие деятельность, отказы в аренде или покупке помещений и т.д.

Б. По отношению к людям творческих профессий используются **«чёрные списки» или негласные запреты на издание, трансляцию, предоставление помещений для выступлений или творческих встреч**. Большинство средств массовой информации, а также предприятий и учреждений находятся в государственной собственности и полностью подконтрольны власти. Частные учреждения, издательства или площадки для концертов и выступлений находятся под давлением не меньшим, чем государственные.

Аналогом «чёрных списков», но не по отношению к людям, а по отношению к определенным темам, становятся приоритеты государственных программ в области исследований. В силу практически полного отсутствия в современной Беларуси легальных альтернативных источников финансирования исследований, помимо подконтрольных государству фондов, невключение определённых тем в приоритеты государственного финансирования исключает возможность работы в этих направлениях.

По отношению к журналистам независимых изданий практикуется сходный по своей сути механизм: им выставляются **физические препятствия в осуществлении журналистской деятельности** (задержания, изымание техники и т.д.).

В. Крайними формами запрета на профессию становится **уголовное преследование**. Используется в основном в отношении чиновников или работников силовых ведомств. В итоге, человек не только оказывается на определенный срок за решёткой, но и после лишается возможности продолжать карьеру и занимать определённые посты и должности. Иногда используется по отношению к предпринимателям, что в корне подрывает их бизнес как с экономической точки зрения, так и создает негативный имидж, уничтожает социальный капитал в данной сфере.

Г. Практикуются (хотя и не часто) ограничения в труде и профессиональной деятельности по отношению к родственникам политически активных людей. После выборов в парламент 2004 года не был продлён контракт не только с активистом Витебской городской организации БСП(Г) А. Гаврутиковым, но и его женой. В январе 2009 года с Е. Дубской не был продлён контракт, согласно которому она занималась воспитанием двух детей, взятых из детского приюта, на основании того, что её родной сын А. Дубский был осуждён по «политическому делу» и осуществляет «антигосударственную деятельность».

¹⁶ Анализ контрактной системы как противоправного механизма борьбы с инакомыслием в научной и педагогической сфере см.: Граблевский О. Кадровая политика в вузах. Юридический аспект: <http://nmnby.eu/news/analytics/4821.html>

Итак, с самого начала становления современного белорусского режима мы наблюдаем в сфере трудовых отношений практику: а) достаточно распространенную, охватывающую все профессиональные области; б) ориентированную на создание трудностей и маргинализацию людей, имеющих оппозиционные политические взгляды и проявляющих общественную и политическую активность, в) нацеленную на создание препятствий для широкого распространения не соответствующих государственной идеологии идей, взглядов и норм поведения, г) опирающуюся в качестве механизмов реализации на широкие возможности влияния на государственные и частные предприятия, на систему всеобщей контрактации, а также на слабость независимых профсоюзов и отсутствие практики отстаивания прав в трудовых отношениях.

Является ли нынешняя белорусская практика борьбы с инакомыслием прямым продолжением советской практики? Чтобы решить это нам необходимо кратко обозначить основные характеристики советской практики борьбы с инакомыслием в сфере трудовых отношений.

Советская практика борьбы с инакомыслием в сфере труда и занятости

Сфера труда всегда была неотделима от политической жизни страны и занимала в программе строительства социализма (и коммунизма) центральное место. Советское общество строилось как общество трудящихся, поэтому труд, трудовые отношения были местом политической и идеологической борьбы и строительства. В «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа»¹⁷, давшей основные положения и принципы для написания советских конституций, обозначалось, что лица, жившие на нетрудовые доходы или использовавшие наемный труд, должны быть лишены политических (гражданских) прав. Участие в трудовых отношениях подчинялось не только экономическим или производственным установлениям, но и было элементом выстраивания самого общества — местом и средством формирования нового советского человека.

Особенностью сферы труда советского общества была конфигурация двух аспектов. С одной стороны, труд полагался в качестве обязанности и долга каждого советского человека. 12-я статья Конституции СССР 1936 года¹⁸ гласила: «Труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу: „кто не работает, тот не ест“». На основании этой статьи в мае 1961 года Президиум Верховного Совета СССР принял указ «*Об усилении борьбы с лицами (бездельниками, тунеядцами, паразитами), уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни*»¹⁹. Он гласил: «Установить, что совершеннолетние, трудоспособные граждане, не желающие выполнять важнейшую конституционную обязанность — честно трудиться по своим способностям, уклоняющиеся от общественно полезного труда, извлекающие нетрудовые доходы от эксплуатации земельных участков, автомашин, жилой площади или совершающие иные антиобщественные поступки, позволяющие им вести паразитический образ жизни, подвергаются по постановлению районного (городского) народного суда выселению в специально отведенные местности на срок от двух до пяти лет с конфискацией имущества, нажитого нетрудовым путем, и обязательным привлечением к труду по месту поселения». Этим же мерам подвергались «лица, устраивающиеся на работу на предприятия, в государственные и общественные учреждения или состоящие членами колхозов лишь для видимости, которые, пользуясь льготами и преимуществами рабочих, колхозников и служащих, в действительности подрывают дисциплину труда, занимаются частнопредпринимательской деятельностью, живут на средства, добытые нетрудовым путем, или совершают иные антиобщественные поступки, позволяющие им вести паразитический образ жизни». Причём кроме постановлений суда основанием для воздействия становились «общественные приговоры, выносимые коллективами трудящихся по предприятиям, цехам, учреждениям, организациям, колхозам и колхозным бригадам».

¹⁷ «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» утверждена 18 (31) января 1918 года на объединённом III съезде Советов, вошла в Конституцию РСФСР 1918 года.

¹⁸ Конституция СССР 1936 года: http://ru.wikipedia.org/wiki/Конституция_СССР_1936_года

¹⁹ Тунеядство: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Тунеядство>

Этот указ лишь закреплял и легализовал общую идеологическую установку: открытую и бескомпромиссную борьбу со всем, что можно было отнести к тунеядству, иждивенчеству или паразитическому образу жизни, нетрудовым доходам и т.д.²⁰.

С другой стороны, в трудовых отношениях и только в них, советский человек, согласно концептуальным положениям социальной теории, на которой строилось советское общество, обретал свою сущность. В этом смысле труд, профессиональная деятельность выступали не только как обязанность, но и как форма социализации. Марксова формула человека как суммы общественных отношений, упрощалась и сводила его (человека) к представителю определённого класса или социальной группы. В свою очередь классы и социальные группы определялись местом в производственных отношениях, а значит через сферу трудовых отношений. Объективность существования и научное обоснование характеристик классов, социальных групп и слоёв приводило к тому, что образ жизни, интересы, мотивы, а также образ мысли любого представителя советского общества был заранее определён и нормирован. Причём это нормирование было не общественной конвенцией, а носило характер научной объективности. Нормы и стандарты, задаваемые местом в трудовых (профессиональных) отношениях, фактически исчерпывали человеческую индивидуальность. Они включали в себя не только сугубо профессиональные обязанности, но определённые политические взгляды, установки, формы поведения и на работе, и в быту. В рамках таких предустановлений о сути и природе человека и индивидуальности, отклонение от соответствующего классу или слою образа мысли и жизни — было ошибкой, девиацией, требующей исправления, воспитания, развития. Ограничения в доступе к определённым профессиями или получению постов и должностей для отдельных людей или даже для целых групп обосновывалось их несоответствием необходимым (объективно обоснованным) характеристикам. Апелляция к научности марксистско-ленинского учения о классах и общественном устройстве не просто позволяло использовать такую практику в политических целях борьбы с оппонентами и антисоветчиками, но и обеспечивала общественную поддержку. Массированная трансляция средствами образования, искусства, медиа, а также идеологической и политической накачки нормированных образов «советского инженера», «советского врача», «труженика села» и т.д., создавала установку на полное подчинение проявлений индивидуальности производственно-классовой позиции.

В отсутствии сферы политики трудовые отношения вбирали в себя всё содержание гражданской позиции и поведения человека.

Механизмом реализации таких функций трудовой деятельности являлась полная монополия государства на сферу труда и занятости. Частные предприятия отсутствовали, а кооперативные, коллективные и совместные хозяйства управлялись государством через встроенные партийные структуры и централизованное планирование не только производственных показателей, но и занятости. Общественные организации были огосударствлены. Профессионально реализовать себя и обеспечить средствами к существованию вне государственной системы занятости было невозможно. Частные подсобные хозяйства воспринимались как вспомогательные, но работа на них не могла быть причислена к «общественно-полезному труду», а доходы с частных хозяйств считались нетрудовыми.

²⁰ В 1917 году в статье «Как организовать соревнование» В.И. Ленин рассуждал о необходимости выработать многообразные средства борьбы с жуликами и тунеядцами. «Тысячи форм и способов практического учёта и контроля за богатыми, жуликами и тунеядцами должны быть выработаны и испытаны на практике самими коммунарами, мелкими ячейками в деревне и в городе. Разнообразие здесь есть ручательство жизненности, порука успеха в достижении общей единой цели: очистки земли российской от всяких вредных насекомых, от блох — жуликов, от клопов — богатых и прочее и прочее. В одном месте посадят в тюрьму десяток богачей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы... В другом — поставят их чистить сортиры. В третьем — снабдят их, по отбытии карцера, жёлтыми билетами, чтобы весь народ до их исправления надзирал за ними, как за вредными людьми. В четвёртом — расстреляют на месте, одного из десяти, виновных в тунеядстве. В пятом — придумают комбинации разных средств и путём, например, условного освобождения добьются быстрого исправления исправимых элементов из богачей, буржуазных интеллигентов, жуликов и хулиганов. Чем разнообразнее, тем лучше, тем богаче будет общий опыт, тем вернее и быстрее будет успех социализма, тем легче практика выработает — ибо только практика может выработать — наилучшие приёмы и средства борьбы» — В.И. Ленин, ПСС, т. 35, стр. 204.

Советские профсоюзы, утратив исконную функцию отстаивания прав работников в отношениях с работодателями, стали «приводными ремнями партии», обеспечивая проведение всё той же политической и идеологической линии в производственных, трудовых отношениях.

При таком полном включении сферы труда в решение политических и социальных задач социалистического строительства борьба с инакомыслием в рамках этой сферы приобретала свои специфические черты и особенности.

Поскольку трудовые и профессиональные отношения выступали сферой производства и воспроизводства советского человека, то очевидно и логично, что эта сфера была полностью закрыта для тех, кто проявлял свою антисоветскость. Поэтому для такого рода людей увольнение становилось обычно первым шагом (этапом) на пути лишения их гражданских прав – уголовного преследования или иных репрессивных мер. Можно предположить, что введение закона о тунеядстве было восполнением «осуждаемой» в начале 60-ых практики открытых политических репрессий. В тоже время память и потенциальная возможность возобновления. В результате «критики» советской идеологии и практики вынуждены были переходить на малооплачиваемые и низкие по социальному статусу профессии — сторожей, дворников и т.д. — и кочевать с места на место, постоянно находясь под угрозой лишения гражданских прав.

Иной род борьбы с инакомыслием — это деиндивидуализация, стандартизация образа жизни и образа мысли, которая реализовывалась именно через доступ к профессиональной деятельности. Партийная принадлежность, активная общественная деятельность и другие формы проявления лояльности и преданности советской идеологии были необходимыми атрибутами для занятия руководящих постов или сколь-нибудь важных должностей. В свою очередь, особенности происхождения, национальная или иная культурная принадлежность являлись преградой в определённых профессиях. Приобретение (имитация) или отказ от тех или иных социальных, мировоззренческих и образжизненных характеристик выполняли социализирующую функцию. Инакомыслие проявлялось не только в выражении каких-то политических взглядов или критике советского строя. Инаковость взгляда на сам труд, на профессию, на способ самореализации часто становилась основанием для вытеснения из легальной сферы труда. Нелегальная же занятость сразу становилась объектом действия закона о тунеядстве.

Таким образом, советская практика борьбы с инакомыслием в рамках трудовых отношений и профессиональной деятельности выступала неотъемлемой частью не просто репрессий по отношению к несогласным, но и частью строительства социалистического общества. Через эту практику советское общество «перевоспитывало», «вливало» в свои ряды в соответствии с представлениями о социально-производственной природе советского человека. Именно этот компонент *полностью отсутствует в современной белорусской практике*. Она направлена на вытеснение в маргинальный сектор политических и идеологических оппонентов, без какой-либо установки на «социализацию». Если в советской системе сфера труда была одним из основных пространств ведения классово (политической) борьбы, то в белорусской ситуации все строится по-иному. В идеологии белорусского государства с труда снята такая роль, которая отводилась ему в советском обществе. Труд не является «долгом», хотя «человек труда» по-прежнему остается позитивной фигурой, мерилем общественной полезности и значимости. Уголовное преследование тунеядства отменено в 1991 году, самозанятость признана в качестве «нормальной» формы занятости, также «нормальным» признано существование безработицы. Стремление власти минимизировать безработицу вызвано иными, по сравнению с советским временем, мотивами – низкая безработица является показателем эффективности экономики и социальной направленности государства. Введение частной собственности «на средства производства» фактически демонополизировало сферу труда, по крайней мере, юридически.

Итоги десоветизации

То, что мы сегодня наблюдаем в Беларуси, является не продолжением или возвращением к советской практике, это заново создаваемая практика борьбы с инакомыслием, решающая иные задачи и в новых условиях. При этом основным материалом осуществления и выстраивания такой практики являются обломки советской системы борьбы с инакомыслием. С распадом Советского Союза (прежде всего – крушением идеологии и её социально-теоретических оснований) фундамент существования прежней практики борьбы с инакомыслием через сферу труда. А именно, была разрушена целостность

онтологических, нравственных и деятельностных (закрепленных в законодательстве и в практике организации производства) оснований. Профессиональная деятельность и принадлежность к трудовому классу перестали быть единственной формой самоопределения и нормирования образа жизни и мысли человека. В комплексе с монополизацией государства в сфере производства и трудовых отношений, появлением негосударственных работодателей и началом рыночных отношений профессиональная деятельность стала формой индивидуального (а не социально-классового) самоопределения человека.

Задачи современной практики борьбы с инакомыслием — маргинализация и вытеснение политических и идеологических оппонентов, а также профилактика их появления. Сегодня сфера труда воспринимается уже не как матрица определения человеческой сущности, а как возможность получить средства к существованию и как сфера индивидуальной самореализации. Ограничивая доступ и к первому, и ко второму, белорусское государство нацелено не на социализацию (воспитание, преобразование), а на ослабление, снижение социального статуса, ограничение возможностей действовать в стране для тех, кто имеет иные политические взгляды или просто нелоялен, проявляет инициативу и способен к самоорганизации.

Становление новой социальной и политической практики широко опирается на рудименты советской системы, которые мы обнаруживаем как в не деконструированных социальных институциях, так и в общественном сознании, моделях образа жизни и поведения. Отметим наиболее значимые формы использования прежних «элементов» в новых условиях.

1. Восстановление государственных профсоюзов. Хотя функция «приводных ремней партии» профсоюзами утрачена, но они, во-первых, используются как административный ресурс для проведения государственных политических кампаний, во-вторых, выступают буфером для реальной самоорганизации и защиты прав работников, в-третьих, воспроизводят практику распределения доступа к ресурсам предприятия или учреждения (специальные поликлиники, детские сады, санатории, летние лагеря и т.д.).
2. Система социальной защиты по-прежнему привязана к государству и рабочим местам. Альтернативные формы накопления средств (например, пенсионных) или оказания услуг хоть и существуют, но воспринимаются как крайне неустойчивые и ненадежные. То же самое относится к иным аспектам социальной защиты. Это воспроизводит страх потерять не просто работу, а работу, легализованную в Беларуси, с официальным доходом, а значит — и с «социальным пакетом».
3. Сохранение контроля государства (режима) практически надо всей легальной сферой занятости. Несмотря на то, что официально в государственной собственности и управлении находятся только 50% предприятий и учреждений, тем не менее, реально контроль осуществляется и над частными и акционерными предприятиями: через высокую долю собственности государства в акционерных обществах и наличие государственного инспектора, через назначение руководителей (например, ректоров частных вузов), а также через широкую систему налогового и иного контроля, который опирается на неустойчивое и непрозрачное законодательство в этой сфере.
4. Зависимость судов. Правозащитная практика по отстаиванию прав работника имеет крайне низкую эффективность при существующей ситуации с зависимостью судов. Возможность решить через них вопросы несправедливого увольнения оценивается крайне низко. При слабой известности позитивных примеров правозащитной деятельности в сфере труда и занятости, люди практически не видят каких-либо реальных действенных механизмов восстановления своих законных прав. Единственным инструментом является «улаживание вопроса» в индивидуальном порядке.
5. Общественное мнение во многом ещё опирается на постоянно воспроизводимые стереотипы, в которых общественная, политическая деятельность, а также творчество, не связанное с какими-либо организациями, воспринимается как «тунеядство» и «нетрудовые» доходы. Создавая дополнительные сложности с официальным оформлением такого рода деятельности, государство поддерживает негативный имидж маргинализированных, вытесненных из официальных структур людей.

Все эти рудименты советского порядка культивируются современной белорусской властью, и из них строится уже иная система и практика борьбы с инакомыслием. Эта новая практика по своей сути ближе к тому явлению, которое вслед за прецедентом 70-ых годов в Западной Германии получило имя «запрета на

профессию». «Berufsverbot» («Beruf» — профессия, «Verbot» — запрет) обозначает практику лишения людей возможности заниматься своей профессиональной деятельностью по основаниям, не связанным непосредственно с выполнением работы (квалификацией, выполнением норм и т.д.). В современном значении это явление стало известно с 1972 года, когда в Западной Германии в качестве сопротивления росту леворадикальных настроений на федеральном уровне был принят «Закон об экстремизме». Данный закон определял, что граждане, нелояльно относящиеся к существующему конституционному строю, лишаются права состоять на государственной службе. В результате применения этого закона, по данным немецких правозащитников, в Западной Германии лишились работы около 11 тыс. человек и, по некоторым оценкам, более миллиона прошли через процедуру проверки специальными комиссиями на лояльность. Практически одновременно с началом действия закона, благодаря стараниям западногерманского гражданского общества, «запрет на профессию» стал предметом активных общественных дискуссий. Была развернута кампания, в том числе и на международном уровне, по прекращению действия закона. Благодаря активным действиям гражданского общества, к концу 1970-х годов удалось практически остановить увольнения людей по идеологическим мотивам. В большинстве земель Западной Германии «Закон об экстремизме» был ликвидирован, а в землях, где он остался, его применение каждый раз связано с большими скандалами и общественными протестами. С тех пор «Запрет на профессию» как концепт стал развиваться и охватывать широкий круг явлений.

Запрет на профессию в отличие от советской практики борьбы с инакомыслием строится как частное, преимущественно не только неправовое, но и незаконное вторжение сферы политики в сферу труда и занятости. Ключевым отличием здесь являются локальность включения (даже при высокой степени распространенности) в противовес тотальности подчинения сферы труда, и принципиальная — декларированная и обеспеченная хотя бы частичной легитимацией и институционализацией — независимость сферы труда от политики и идеологии. Сегодня в Беларуси запрет на профессию действует только по отношению к гражданской и политической активности, но практически не касается культурного, мировоззренческого разнообразия.

Проведённый анализ позволяет сделать два вывода о содержании современной практики борьбы с инакомыслием, реализуемой в Беларуси.

1. Запрет на профессию является мягкой формой репрессивной машины политической борьбы современного белорусского режима со своими оппонентами. Эта мягкая форма эффективно использует возможности маргинализации и ослабления своих политических оппонентов и их поддержки. Создаются «гетто», условия существования которых достаточно жёстко контролируются: независимые профсоюзы, политические партии, деятельность общественных объединений, частных и самоорганизованных инициатив, в том числе — частный бизнес и т.д. Значительная часть деятельной энергии в этих «гетто» направлена на самосохранение. В то же время эта «не до конца уничтоженная» часть общества выступает интеллектуальным, деятельностным и творческим ресурсом, которой может быть использован (и иногда используется) государством для решения тех или иных задач. Условия резервации характеризуются достаточно плотным взаимодействием с европейскими институтами, возможностью саморазвития и частичной самореализации. Это создает, с одной стороны, довольно эффективный механизм «снятия внутреннего напряжения». По уровню жизни эта часть общества актуально мало чем отличается от остальных «лояльных» белорусов. А качество жизни — разнообразие, возможности саморазвития — иногда даже шире. Но все эти достоинства, во-первых, крайне неустойчивы и зависят от контролируемых государством условий, а во-вторых, не обеспечивают никакой социальной и материальной защиты в случае болезни, потере трудоспособности и т.д. С другой стороны, это усиливает социальную изоляцию этой группы, «отрыв от народа». Идентификация и включённость в европейские контакты, освоение норм и стандартов профессиональной и карьерной траектории, делает их скорее частью европейского пространства, чем белорусского. Это работает не только на увеличение потока эмиграции, но и на воспроизводство культурного и социального барьера между «лояльными» и «нелояльными» гражданами страны. Этот барьер — мощное средство против солидарности и гражданской консолидации.
2. Несмотря на распространённость явления «запрета на профессию» и глубокие основания его воспроизводства, оно, в отличие от советского аналога, лежит в сфере правозащитной практики и культурной политики. Белорусское общество, политическая и социальная система обладает

практически всеми необходимыми институциями для борьбы с этим явлением, хоть и крайне слабо развитыми, а иногда лишь номинально продекларированными. Профессиональные союзы, правозащитное сообщество, имеющие прецеденты сопротивления, — это те социальные институции, которые позволяют влиять на продвижение к реальному отделению сферы занятости и труда от политики и идеологии.